

стью, методологической четкостью, концептуальной корректностью, философской фундаментальностью и логической стройностью. Особо следует отметить, что эмпирический базис проведенного исследования является столь исчерпывающе репрезентативным, что анализируемый автором материал не просто оставляет впечатление полноты охвата анализируемого предмета, но и может быть оценен как компендиум русской литературы постмодернистской направленности.

Исследование И.С. Скоропановой – несомненный успех как в сфере собственно филологического анализа русской постмодернистской литературы, так и в сфере метаанализа постмодернистской культуры в целом.

М.А. Можейко,
кафедра философии культуры

Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: Технопринт, 2002. Вып. 3. 360 с.

Третью книгу в серии коллективных монографий «Методология исследований политического дискурса», выходящих под редакцией И.Ф. Ухвановой-Шмыговой, написали три автора (при этом каждый свои разделы): И.Ф. Ухванова-Шмыгова (заведующая кафедрой английского языка и речевой коммуникации БГУ), А.А. Маркович (кафедра речеведения и теории коммуникации МГЛУ) и В.Н. Ухванов (кафедра международного частного и европейского права БГУ). В сравнении с 1-м (1998) и 2-м (2000) выпусками серии, написанными многими авторами (соответственно 22 и 38 человек!), которые не только не были коллективом единомышленников, но едва ли всегда знали друг друга, для 3-го выпуска характерна замечательная цельность замысла. В книге представлен логично-терминологический аппарат, позволяющий на основе анализа публичных выступлений политиков выстроить их коммуникативную типологию и даже измерить степень харизматичности политических лидеров. Особая ценность рецензируемой книги состоит в том, что авторы отнюдь не ограничиваются т.о.р.е.й. методом (что было бы всего лишь «предписанием об описании»), но показывают свой метод в действии, т.е. на основе предложенных параметров, методично, раздел за разделом, строят коммуникативно-типологические характеристики («портреты») одного политика за другим. Состав персоналий таков (перечисляю по порядку их следования в книге): П. Машеров, С. Шушкевич, А. Лукашенко, З. Позняк, В. Гончарик, Б. Ельцин, В. Путин, Г. Зюганов, В. Жириновский. И хотя в книге дважды – и в аннотации и в предисловии – говорится, что «практический анализ носит пилотажный характер», все же именно в демонстрации этой

техники быстрого извлечения из политического дискурса типологически значимых характеристик лидеров состоит, на мой взгляд, главный читательский интерес к рецензируемому изданию.

Исследование строится на материале печатных и записанных на видео выступлений названных политиков. Анализу подвергались вполне определенные четыре жанра текстов (интервью, аналитика, предвыборная программа и выступление перед массовой или целевой аудиторией). Ключевые теоретические постулаты книги давно прописаны в руководствах по PR и другим информационным технологиям: «политическое лидерство – явление коммуникативное» (с. 37); «не важно, каков лидер сам по себе, а важно то, каким его “подают”» (с. 37); политическое лидерство создается «взаимодействием лидера и его аудитории, его электората (но не взаимодействием между самими лидерами)» (с. 332) и т. п. Однако в книге И.Ф. Ухвановой-Шмыговой и ее соавторов важно и интересно то, как эти общие места преобразуются в категории и операции практического анализа коммуникации.

Авторы предлагают восемь дифференциальных признаков, каждый из которых обладает рядом значений (реализаций, в разном количестве, от пяти до 15), которые проявляются в коммуникативном поведении конкретных лидеров. Предложенный аппарат позволяет провести коммуникативный анализ текстов, в том числе анализ их паралингвистической составляющей (жесты, мимика, фонация), с помощью единого набора категорий, а итоги исследования представить в сопоставимых между собой таблицах. Эти восемь таблиц, включенные в коммуникативный портрет каждого лидера, составляют основную научный вывод авторов книги. Чтобы у читателя рецензии сложилось представление о выделенных «восьми признаках», значимых для коммуникативной типологии лидеров, ниже признаки приводятся списком, однако в частично упрощенной терминологии (для краткости изложения); терминология авторов книги дается в кавычках, как цитаты.

1. «Самоидентификация политика». Ее значимые черты выявляются, во-первых, при анализе того, что в выступлениях политика стоит за местоимениями *мы* и *я*: с какими группами людей и как часто он себя объединяет; во-вторых, существенно, как лидер позиционирует себя в пространстве и времени: каковы те пропорции, в которых в его выступлениях уживаются три хронотопических и модальных ракурса: «здесь и сейчас», ретроспекция и виртуально-глобальный регистр. При анализе взаимоотношений *я* и *мы* существенно, с одной стороны, что стоит за *мы* («команда», правительство, партия, социальная инстанция, класс, народ, страна, страны-партнеры, человечество и т. д.), а с другой стороны – пропорции соединения *я* и *мы*. В этом аспекте авторы различают такие модели: 1) *Мы+Я*; 2) *Я+Мы*; 3) *Мы* без *Я*; 4) *Мы+слабое Я*; 5) *Я+ слабое Мы*; 6) *слабое Я+слабое Мы*; 7) *Ни Мы ни Я*. Анализ текстов

по признаку самоидентификации приводит к следующим итоговым характеристикам политика: «коллективист», «индивидуалист», «институционалист», «не актуализирующий черты лидера». Названные характеристики дополняются признаками, в которых учтены хронотоп и модальность дискурсов.

2. Признаки, идентифицирующие аудиторию, к которой обращается политик (журналисты, целевая или массовая аудитория, «свой» электорат, все население и др.), и тот или иной вид взаимоотношений политика и его аудитории («презентация», «атака», «защита», «оценки качеств (своих и других/чужих)», «оценки деятельности (своей и других/чужих)»). Анализ текстов с точки зрения оценок и самооценок лидеров приводит исследователей к нескольким оппозициям в типологии лидеров: «деятель», «созерцатель» (при этом обе характеристики могут относиться к одному политику, но в таком случае важно, какое качество первенствует); далее, «сбалансированный с переходом к манипулятивному» (о Позняке), «сфокусирован на себе» (Путин), «позитивный», «критичный» и др. В трехчленной оппозиции лидеров «западного образца» (Путин), «восточнославянского образца» (Жириновский) и «юго-восточного (азиатского) образца» (Зюганов) эти же аспекты приводят к характеристикам названных политиков соответственно как «демократ», «народник», «мессия» (с. 330).

3. Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории. В этом аспекте авторы различают такие способы подачи информации, как «образность или конкретность», «эмоциональность или рациональность», «риторические приемы» и «приемы пропаганды (ценностной, фактологической, манипулятивной)». Данный аспект приводит к таким характеристикам лидеров, как «популист», «рационалист», «борец», а также «скорее, рационалист» (о Шушкевиче). Некоторым политикам авторы приписывают по две или три подобных характеристики (в таком случае значима и их очередность), однако относительно Гончарика в колонке «тип лидера» замечается: «Ни один из типовых вариантов» (с. 207).

4. Характеристики языка политических выступлений (в терминологии авторов – «код-идентифицирующие дискурс-категории», с. 21). Эта группа признаков охватывает речевое и невербальное поведение лидера в процессе политической коммуникации. Исследователь фиксирует выбор языка или подязыка (например, при выборе белорусского языка существенно также, выбирается ли преобладающий литературный узус или «тарашкевица»); далее характеризуются способы развертывания темы; мера использования политиком риторических и в том числе манипулятивных приемов; насыщенность текста стилистически, профессионально или хронологически маркированными формами речи. В этом же ряду характеризуется невербальное поведение оратора (создает ли «барьеры» между собой и аудиторией из рук или окружающих предметов; «напряжен» или

нет; четкая ли дикция; «если паузы заполняет, то чем?», какая мимика: «морщит лоб»? «брови домиком»? и мн. др.). Данный аспект анализа приводит авторов (на мой взгляд, приводит совершенно неожиданно и немотивированно) к такому широкому и реально не нуждающимся в доказательствах характеристикам лидеров, как «общенациональный», «партийный», «региональный», «скорее общенациональный» (Шушкевич) или «партийный с элементами общенационального» (Зюганов).

5. «Выбор типичных коммуникативных действий», что позволяет авторам говорить о таких типах лидеров, как «стратег» или «тактик», или чаще как соединение «стратега» и «тактика» в той или иной пропорции.

6. Признаки, объединенные в классе «ад-ресант-идентифицирующих переменных», связаны с невербальными компонентами коммуникации (см. выше п. 4), а также с такой поведенческой семиотикой, как одежда («без галстука», спортивная и пр.). В итоге к типологическим признакам политиков добавляется оппозиция «прагматик» – «идеолог» – «идеалист» – «пропагандист» (последний термин перифразируется как «эффективный коммуникант», с. 106), однако связь данных терминов с наблюдаемой паралингвистической реальностью представляется мнимой.

7. Признаки, которые составляют группу «аудитория-идентифицирующих переменных», определяются в зависимости от типа аудитории, предпочитаемой лидером («большая», «один перед камерой», молодежь/пожилые, мужчины/женщины и др.). Это приводит к оппозиции трех типов лидеров: «демократ», «мессия», «народник».

8. Последнюю группу составляют признаки, относящиеся к механизмам воздействия лидера на аудиторию. По данному признаку авторы различают три типа лидеров: «сказитель», «учитель», «менеджер», а также смешанные случаи, например в Ельцине есть и «менеджер» и «сказитель».

Таковы те восемь признаков, по которым И.Ф. Ухванова-Шмыгова и ее соавторы строят коммуникативную типологию политиков. Однако при этом они не раскрывают те процедуры, которые позволяют исследователю, наблюдая коммуникативную реальность, «автоматически» (т.е. не субъективно и не методично выявлять действительные и типологически значимые черты политиков. Понятно, что без строгих аналитических процедур и без статистики эта задача невыполнима. Впрочем, авторы и не ставили перед собой такой задачи – дать на де ж н у ю типологию политических коммуникантов. Они принципиально отказываются от статистических методов исследования текстов: «наш анализ не строится на статистической выборке и количественных данных», цитируя при этом красивые слова А. Страусс и Дж. Кобрина о пользе «теоретической чувствительности» (с. 25). Однако опыт лингвистики текста, в том числе опыт контент-анализа, убеждает, что пока нет статистической верификации, результаты оста-

нутся не доказанымі, пэўнаму прапанаванай камунікатывнай тыпалогія палітыкаў в чым-то напамінае астралагічны прагноз ці цыганскія гаданні. Калі лічыць «тэарэтычную сэнсітыўнасць» па адносінах да камунікацыі верховным арбітрам, то ісчэае дае стымул стрэміцца да аб'ектыўнасці і даказальным ісследаванням.

Несмотря на то что авторы рецензируют книги не затрагивают вопросов о собственно процедурах анализа политического дискурса, их книга представляет несомненный интерес для будущей коммуникативной типологии политиков (или других публичных коммуникантов). У авторов получилась, на мой взгляд, пока не «методология», но «идеология» подобных исследований: И.Ф. Ухванова-Шмыгова и ее соавторы наметили интересную программу и важнейшие аспекты исследований личности в сфере политической коммуникации.

Н.Б. Мечковская,

кафедра теоретического и славянского
языкознания

К. Любецкая. 3 гісторыі нямецка-беларускай, беларуска-нямецкай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі. Вып. 2. Беларуская тэрміналогія / Навук. рэд. Г. Цыхун. Мн.: Беларускі кнігазбор. 2002. 132 с.

Кніга супрацоўніцы Нацыянальнага навукова-асветнага цэнтра імя Ф. Скарыны К.П. Любецкай «3 гісторыі нямецка-беларускай, беларуска-нямецкай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі» працягвае серыю «Беларуская тэрміналогія», пачатую ў 2000 г. Тэрміналагічнай камісіяй пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь і Нацыянальным навукова-асветным цэнтрам імя Ф. Скарыны. Выдавецтва адзначае кнігу як навукова-папулярнае выданне і адрасуе яе выкладчыкам і студэнтам філалагічных і гістарычных факультэтаў. Уяўляецца, што гэта якраз той даведнік, які дазваляе выявіць ролю слоўніка ў наладжванні сувязей паміж палітыкай і культурай, навукай і жыццём.

Выданне ўключае «Уводзіны» (с. 3–6) і пяць частак: 1) «Крыніцы нямецка-беларускай і беларуска-нямецкай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі» (с. 7–99), 2) «Агульная характарыстыка нямецка-беларускай і беларуска-нямецкай лексікаграфічнай традыцыі» (с. 100–110), 3) «Апавітныя паказальнікі выяўленых слоўнікаў і слоўнікавых матэрыялаў» (с. 111–118), 4) «Прынятыя скарачэнні» (с. 119–126) і 5) «Дадатак» (с. 127–130). Першая частка (самая вялікая) з'яўляецца разгорнутым па ханалагіі бібліяграфічным апісаннем 59-ці выяўленых слоўнікаў, у тым ліку рукапісных і неадшуканых, але вядомых па ўскосных звестках. Артыкул аб кожным лексіконе мае акрэсленую схему апісання і змяшчае як лінгвістычныя, так і нелінгвістычныя звесткі: назву і аўтарства даведніка, месца і год яго выдання, выдавецтва, месца захоўвання, час стварэння, мэту і задачы выдання, графічнае афармленне, кор-

пус і аб'ём слоўніка, тэматычную характарыстыку лексічнага складу, кампазіцыю слоўнікавага артыкула і інш. Аўтар пачынае апісанне перакладных беларуска-нямецкіх і нямецка-беларускіх даведнікаў з пачатку ХХ ст., калі першыя размоўнікі і слоўнікі павінны былі паведаміць ініцыятам пра Беларусь, якую да гэтага яны лічылі часткай Расіі і мову якой толькі пачалі ўсведамляць як адметную і самабытную. Выклікаюць цікавасць і беларуска-нямецкія слоўнікі ў час нямецкага кантролю 1915–1918 гг., калі афіцыйныя дакументы публікаваліся на нямецкай мове, мовах мясцовых жыхароў і прадстаўнікі этнічных групавых рухаліся стварыць нацыянальныя школы (дарэчы, аўтарам аднаго з такіх лексікаграфічных даведнікаў з'явіўся В. Ластоўскі).

На тэрыторыі Савецкай Беларусі перакладныя беларуска-нямецкія лексікаграфічныя матэрыялы былі ўключаны ў структуру даваенных беларускамоўных падручнікаў нямецкай мовы, якія прызначаліся для вучняў беларускіх школ і настаўнікаў нямецкай мовы: беларуска-нямецкія і нямецка-беларускія размоўнікі, выдадзеныя на працягу 1941–1944 гг. на тэрыторыі Беларусі, Латвіі, Германіі, прызначаліся для ўсталявання кантактаў з сялянамі акупіраваных тэрыторый. Даследчыца не дае ніякіх палітычных ацэнак апісаным слоўнікам, толькі адзначае іх каштоўнасць з пункту гледжання развіцця беларускай лексікаграфіі на акрэсленым гістарычным этапе.

Значнае месца адведзена ў кнізе беларуска-нямецкай і нямецка-беларускай тэрмінаграфіі (раздзела агульнай лексікаграфіі, які займаецца тэорыяй і практыкай складання тэрміналагічных слоўнікаў). Адзначана, напрыклад, вялікая роля ў развіцці беларускай тэрміналогіі вядомага «Сямімоўнага слоўніка» (*Sieben-Sprachen-Wörterbuch: Deutsch-Polnisch-Russisch-Weißruthenisch-Litauisch-Lettisch-Jiddisch*), распрацаванага на тэрыторыі Беларусі для палягчэння стасункаў з мясцовым насельніцтвам і выдадзенага ў Лейпцыгу ў 1918 г., у якім беларуская тэрміналогія ўпершыню прадстаўлена ў супастаўленні з нямецкай, латышкай, літоўскай, польскай, рускай, ідыш мовамі. Традыцыі складання шматмоўных лексікаграфічных і тэрмінаграфічных крыніц, у якіх беларускія і нямецкія лексемы падаюцца сумесна з украінскімі, чэшскімі, балгарскімі, польскімі, англійскімі, французскімі, італьянскімі і іншымі, працягнуты ў перыяд Другой сусветнай вайны і пасля яе (напрыклад, *Нямецка-руская-беларуская-польскія ілюстраваныя слоўнікі*. Рыга, 1944; *Glossarium archeologicum*. Bonn; Warszawa, 1962–1965; археалагічны тэрміналагічны даведнік на 25 мовах; *Slovník slovanské lingvistické terminologie = Словарь славянской лингвистической терминологии = Dictionary of slavonic linguistic terminology*. Praha, 1977–1979 і інш.). Паліфункцыянальнасць шматмоўных слоўнікаў надае ім бясспрэчную практычную карысць і падводзіць да сучаснага асэнсавання перакладной лексікаграфіі і тэрмінаграфіі: апошнія крыніцы (слоўнікі і размоўнікі 2000–2001 гг.) арыентаваны найперш на нямецкіх студэнтаў, якія вучаюцца беларускай мову